

АРХЕОПТЕРИКС

Где папоротник спит древообразный
И собирает в кронах звездный вереск,
Взмахнув крылами, угловатой массой –
Натужно в небо взмыл археоптерикс.

Над хлябью топей и стволов-мутантов,
Растущих здесь и гибнущих в болоте,
Прообраз чудо лайнеров-гигантов
Пронзил туман в медлительном полете.

Неведом курс таинственный, окольный,
Движения замедленны и грубы:
Пощелкивая клювом треугольным –
Грозят всему ощеренные зубы!

С трудом его размахивают крылья,
Сырые испаренья беспокойя...
Пройдут тысячелетия, и былью –
Его найдут, (сенсация!) отроют.

Над молодой планетой звездный вереск.
Взошла луна и катится куда-то...
Кто видел, как парит археоптерикс –
Летательного предок аппарата?!

С ЛЕБЕДИНОЮ СТАТЬЮ...

С лебединою статью, кудрявый,
Мелодично чеканящий слог,
Буревою овейный славой –
Александр Александрович Блок.

«Незнакомка», мосты над Невою,
«Скифы», лебеди, стрелы
И мгла...
Старец-нищий
Со слезной мольбою,
Хор церковный да всплески весла.

Пляс цыганки, фонарь и аптека.
Эпохальная бездна минут...
За окном, за порханием снега –
Блок внезапно увидел: – Идут!

За святое приходится драться.
Все былое и затхлое – прочь!
Колыхая штыками, «Двенадцать»
Шаг державный печатают
В ночь.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МАШКАРЫ

Если б его я не знал!
В центре, под оком милиции,
Был человек... И пропал,
Без вести канул в столице.
Где он исчез? Неужель
В поле, в лесу иль в овраге?..
«Был обнаружен портфель,
И в беспорядке бумаги»...

Деньги, зарплата, загул?
Дома жена ожидала...
Частника ль где тормознул
С парюю дюжих амбалов?
Горестно горбились спины,
Плакало влагой окно.
– Прорва! – промолвил Устинов, –
Сгинуть тут немудрено.

И – кулачищем об стол!..
Горе читалось на лицах.
Так не дождался Оскол
Старый поэта-любимца.

ИЗ МОКРОЙ, СЛЯКОТНОЙ...

Из мокрой, слякотной Москвы
Возник поэт, дрожа похмельно,
И нимб сиял вокруг головы,
И молвил он: – Я шел на Вы, –
На круг, по рваному, артельно?

Пока гонец слетает, я
Читаю вещь, что накануне
Присочинил... Нет ни копья...
Он был похож на муравья –
Порывом легким ветер сдует.

– По всем издательствам облом:
Авансом раздают... авансы.
Корпел неделю над столом
И накропал на целый том –
По жанру – лирика и стансы.

Гонец пропал, во тьме исчез –
Не суждено было дожждаться.
Поэт на табуретку влез,
Читал, что по дрова, что в лес,
И грустно было нам, признаться...

СУДЬБА – СУДЬБИНУШКА

Дума, что ли, предзакатная,
Или ветер что нанес?..
Чья душа, на счастье жадная,
Растревожилась до слез?

Холодела, да не выстыла!
Сберегалась, как могла...
Три удела горьких вызнала,
Да надежду сберегла.

Шла по жизни она, маючись.
Прислонились – не ожглись?
Не как прочие, играючись,
Изнутри жирком взялись.

Опахнула взором праведным –
Убоялись, огонька...
Этих участи не завидно
До остатнего денька!

Ей любовь – так вся Вселенная,
Без остатка, целиком!
И по ней гроза военная
Прогремела колесом.

Было многое обещано...
Только жегся кипяток!
А душа... Она ведь женщина.
Нету скидки ей на то...

Прямота её что просека.
Да шатнулся мил-дружок...
С недостроенного мостика
Не ступить на бережок.

Были, были в ней и радости!
Заручаюсь как в себе...
В неприкаянной, до святости
Не согнувшейся судьбе.

Песня выдалась нескладная,
Только что в ней не всерьез?
Дума, что ли, предзакатная,
Или ветер что нанес?..

НАЗОВИ ЛУНУ...

Лунным бреднем цедится округа,
В частой сети тень иль силуэт?..
Спит в могиле вечным сном подруга
В глубине окоченевших лет.

Высыпала звездная отава –
Вечности бесстрастные глаза.
Ей метели вышивали саван,
Отпевали птичьи голоса...

Месяц водит лошадь на аркане
В тишине затерянных лугов...
Не заспал, не утопил в стакане
Я утрату средь друзей-врагов.

Назови луну хоть коркой дынной,
Я приму с улыбкой на устах...
Оттого и горечью полынной
Каждый вздох мой на земле пропах.

Спит табун, стреножен, обезножен,
Но рассвета близок, близок шум:
Ухожу за дальние остожья
Бечевою неотвязных дум.

ДАУРИЯ

По мотивам романа К. Седых

Всадник вымахнул на бугор,
И лошадка под ним каурая...
Бросил долгий орлиный взор:
Сопки, пади – кругом Даурия!

Забайкалье – родимый край!
Белопенна, быстра Аргунь –
Разнотравья цветочный май,
Водопадов шумливый гул.

Неприметен пока, партизан,
Но лихой он казак, не на шутку...
Любит крепко Улыбин Роман
Чувством первым казачку Дашутку.

Он проскачет дорогами странствий,
С перевала спустившись вниз...
Закалившись в огне гражданской –
Будет строить новую жизнь.

А пока еще все впереди –
Плен, зимовье и гибель отца...
Много бед и невзгод в пути
Отразятся в чертах лица.

Вьется чуб над лихой головой,
Ромка помнит ту грозную сечу:
Он под сопкой Тавын-Тологой,
Конной лаве шагнет навстречу.

...Жизнь своим чередом идет,
Гроз минувших стирая след:
Солнце утреннее встает –
Края Отчего дарит свет.